

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

Поворот винта

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 40

Henry James
THE TURN OF THE SCREW

Перевод с английского Наталии Васильевой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

Джеймс Г.

Д 40 Поворот винта : повесть / Генри Джеймс ; пер.
с англ. Н. Васильевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Ат-
тикус, 2025. — 256 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-28259-9

В 1898 году увидела свет одна из самых известных исто-
рий о привидениях, маленький шедевр, послуживший лите-
ратурной основой множества театральных постановок и бо-
лее десятка экранизаций, — повесть американского писателя
Генри Джеймса «Поворот винта». В интерпретации Джеймса
классический сюжет о гувернантке, прибывшей в уединенную
усадьбу Блай заботиться об осиротевших детях, вышел дале-
ко за привычные рамки готической литературы, воплотив-
шись в изысканное и пугающее повествование о тайнах бытия
и темных закоулках сознания, о мире, в котором любая исти-
на может быть оспорена и за каждым событием может после-
довать очередной «поворот винта» судьбы, управляющей че-
ловеческой жизнью.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. С. Васильева (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28259-9

ПРОЛОГ

Мы, затаив дыхание, слушали страшный рассказ, и, когда он подошел к концу, кто-то воскликнул, что такими жуткими историями только и пугать гостей, собравшихся в сочельник у камина в старинном доме, и все дружно с этим согласились. И лишь немного спустя другой гость прервал воцарившееся молчание, заметив, что на его памяти это первый случай, когда столь зловещая тень явилась ребенку. Поясню, что в прозвучавшей истории речь шла о том, как в старинном доме, похожем на тот, где мы встречали Рождество, маленький мальчик увидел страшное привидение. В комнате вместе с ним спала мать, и малыш в ужасе разбудил ее, но едва она, прогнав его страхи и приласкав, уложила сына в постель, как и ее взору предстал призрак, напугавший

бедное дитя. Именно последнее замечание об уникальности такого случая и побудило Дугласа — не тотчас, а несколько позже в тот же вечер — сделать признание, о любопытных последствиях которого я собираюсь поведать читателю. Тем временем кто-то вспомнил другую историю, правда, повествователь не блистал красноречием, и я заметил, что Дуглас его не слушает. Мне показалось, ему самому есть о чем рассказать, и я не ошибся в своих предположениях. Хотя ждать его рассказа пришлось два дня, но уже в тот первый вечер, прежде чем мы разошлись, Дуглас приподнял завесу над тем, что не давало ему покоя.

— Я совершенно согласен, что явление призрака — как бы вы ни объясняли этот феномен — совсем маленькому мальчику вносит в историю, рассказанную Гриффином, нечто особое. Насколько мне известно, это не первый случай, когда малое дитя оказывается вовлеченным в действие сверхъестественных сил. Если присутствие ребенка в подобных ситуациях само по себе нагнетает атмосферу страха, то что бы вы сказали, будь детей *двое*?

— Разумеется, мы сказали бы, что это вдвойне усиливает впечатление! — отклик-

нулся кто-то из гостей. — И не преминули бы добавить, что жаждем услышать вашу историю.

Как сейчас вижу, Дуглас стоит перед камином спиной к огню, засунув руки в карманы, и смотрит сверху вниз на сидящего рядом собеседника.

— Я еще никому ее не рассказывал. Слишком она страшная.

Естественно, его тут же поспешили уверить, что чем страшнее, тем лучше. Наш друг обвел своих слушателей внимательным взглядом и с невозмутимостью искусного рассказчика, уверенного в успехе, продолжал:

— Мне не доводилось слышать ничего подобного. Эта история затмевает все известное мне в этом роде.

— Неужто настолько страшная? — спросил я.

Дуглас замялся, явно стараясь подобрать нужные слова и не находя их. Он провел рукой по глазам и поморщился чуть заметно.

— Жуткая, кровь стынет в жилах.

— О, как восхитительно! — воскликнула одна из дам.

Дуглас даже не взглянул на нее, его глаза были устремлены в мою сторону, но, ка-

залось, он не видел меня, перед его внутренним взором вставали картины того, что сейчас вспомнилось ему.

— Это чудовищная история, омерзительная, полная ужаса и боли.

— Коли так, — сказал я, — усаживайтесь поудобнее и начинайте.

Дуглас поправил полено в камине и, погруженный в свои мысли, задумчиво глядел на пламя. Затем повернулся к нам.

— В данный момент это невозможно. Мне нужно послать в Лондон.

Раздались возгласы недовольства, посыпались упреки, но Дуглас все с тем же выражением сосредоточенности на лице объяснил:

— История, о которой идет речь, доверена бумаге, а рукопись заперта в ящике моего стола, откуда ее давным-давно не извлекали на свет. Я мог бы послать своему камердинеру ключ и записку с поручением. Он найдет пакет и пришлет его сюда.

Я почувствовал, что слова Дугласа обращены именно ко мне, — казалось, он ищет у меня поддержки, не в силах преодолеть сомнения. Он словно прорубался сквозь глыбу застарелого льда, копившегося не одну

зиму, и, судя по всему, у него были причины хранить молчание. Услышав об отсрочке, гости приуныли, но меня-то как раз и подкупила эта его педантичность. Я предложил ему написать слуге без промедления, с первой же почтой, и как только доставят пакет, сразу же устроить чтение. Потом спросил, не с ним ли произошла эта история.

— Слава богу, нет! — На этот раз Дуглас не замедлил с ответом.

— Но это ваша рукопись? Вы ее написали?

— Нет, мне принадлежит лишь впечатление, оставленное в моей душе. Я храню его *здесь*. — Он приложил руку к сердцу. — И не забуду вовек.

— Значит, ваш манускрипт...

— Написан выцветшими от времени чернилами, изящным, тонким почерком. — Дуглас снова повернулся к камину. — Рукой женщины. Она скончалась двадцать лет назад, но перед смертью прислала мне свою исповедь.

К нашему разговору уже внимательно прислушивались гости, и, разумеется, не обошлось без шуток и игривых намеков. Но Дугласа не задели наши насмешки, он

встретил их невозмутимо и даже не улыбнулся.

— Эта женщина, действительно редкого очарования, была старше меня на десять лет. Гувернантка у моей сестры, она жила в нашем доме, — спокойно объяснил он. — Я не встречал более прелестного создания, чем эта скромная учительница; она несомненно заслуживала лучшего жребия. Случай свел нас давно, а история эта произошла задолго до нашего знакомства. В ту пору я учился в колледже Святой Троицы. Окончив второй курс, я приехал домой на каникулы и увидел ее в нашем доме. Лето выдалось удивительно погожее, и почти все каникулы я провел в родных стенах. В часы досуга мы вместе бродили по парку и подолгу беседовали — признаюсь, я восхищался ее необычным умом и обаянием. Да, не усмехайтесь, что греха таить, эта женщина не оставила меня равнодушным, и по сей день мне отрадно думать, что и она отвечала мне искренней симпатией — иначе никогда бы не доверилась чужому человеку. Ведь до той поры ни одной живой душе не рассказывала она своей истории. И я утверждаю это не с ее слов, просто я знал — вот и все. Я был на-

столько в этом уверен, что мне не требовались никакие доказательства. Вы без труда поймете почему, когда услышите рассказ.

— Ее удерживал страх?

Дуглас пристально посмотрел на меня.

— Вы поймете, — повторил он. — Обязательно поймете.

Я ответил ему столь же пристальным взглядом.

— Пожалуй, догадываюсь. Она была влюблена.

Он рассмеялся впервые за весь вечер.

— Вы угадали. Да, влюблена. В сущности, с этого все и началось. Она почти сразу выдала себя — да это и невозможно было скрыть. Мне стало ясно все, и моя приятельница видела, что я проник в ее тайну. Но на словах мы ничего не сказали друг другу. Отчетливо помню тот долгий летний день: мы сидели на краю лужайки, в тени высоких буков, спасаясь от палящих солнечных лучей. Ничто в природе не располагало к тому, чтобы содрогнуться от ужаса, и все же!.. — Дуглас отошел от камина и опустился в кресло.

— Вы ожидаете пакет в четверг утром? — спросил я.

— Наверное, не раньше чем со второй почтой.

— Значит, после обеда...

— Все соберутся здесь? — Он вновь окинул нас взглядом и спросил едва ли не с надеждой: — Никто не уезжает?

— Я остаюсь! И я остаюсь! — воскликнули дамы, которые в ближайшие дни намеревались отбыть.

Между тем миссис Гриффин, сгорая от любопытства, спросила:

— В кого же она была влюблена?

— Мы узнаем это, выслушав рассказ, — вмешался я.

— Невозможно ждать так долго!

— В рассказе об этом ничего не говорится, — отозвался Дуглас, — во всяком случае напрямую.

— Очень жаль. Ведь иначе я ничего не пойму.

— В самом деле, почему бы сразу не внести ясность? — спросил кто-то из гостей.

Дуглас встал.

— Хорошо, завтра. А теперь я, пожалуй, пойду спать. Спокойной ночи.

Взяв свечу, он удалился, предоставив нам теряться в догадках. Сидя в большом су-

мрачном зале, мы слышали, как на лестнице стихали его шаги. Первой заговорила миссис Гриффин:

— Хотя мне не удосужились сказать, в кого была влюблена эта особа, я догадываюсь, в кого был влюблен Дуглас.

— Но гувернантка была десятью годами старше, — возразил ее муж.

— *Raison de plus*¹ — в таком возрасте! Но как трогательно с его стороны так долго хранить эту тайну.

— Сорок лет! — вставил Гриффин.

— И вдруг внезапное, как взрыв, признание.

— Ну, не совсем так. Это знаменательное событие произойдет только в четверг утром, — уточнил я, и все гости согласились, что пока нам остается лишь с нетерпением ждать. Поскольку прозвучала последняя история, хотя и незаконченная, скорее похожая на пролог к роману с продолжением, мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись, вооружившись свечами (по выражению кого-то из гостей).

Как мне стало известно на следующий день, письмо и ключ с первой же почтой

¹ Тем более (*фр.*).

были отправлены на лондонскую квартиру Дугласа. Но хотя об этом как-то само собой узнали все — а возможно, именно благодаря этому, — никто не допекал Дугласа расспросами, все притихли в ожидании вечерних сумерек, которые, как нам думалось, создадут настроение, располагающее к откровенности. И мы не обманулись в своих надеждах — Дуглас действительно не таился от нас, как накануне, он сам готов был рассказать все, что знал, и не замедлил объяснить причину перемены. Мы вновь собрались у камина, где в сочельник развлекали друг друга страшными историями. Оказалось, повесть, которую нам обещали прочитать, нуждалась в кратком предисловии. Позвольте, и без промедления, объяснить, дабы впредь к этому не возвращаться, что повествование, которое я представляю на суд читателя, — это точная копия, собственноручно сделанная мною, но спустя несколько лет, с рукописи, принадлежавшей Дугласу. Наш бедный друг, чувствуя приближение смерти, передал мне записи, которые в то памятное Рождество получил по почте на третий день и вечером начал читать своим притихшим слушателям. К тому време-

ни дамы, заявившие, что останутся, по счастью, покинули нас, поскольку заранее назначили отъезд; однако они, как и все, были заинтригованы услышанным вступлением. Впрочем, после их отъезда круг слушателей, собравшихся у камина, стал только теснее и интимнее, и все мы, внимая рассказу, с каждым вечером все более содрогались от ужаса.

Итак, поскольку начало истории в рукописи было опущено, то, чтобы избежать недоуменных вопросов, Дуглас решил предварить чтение кратким вступлением. Началось же все с того, что будущая знакомая Дугласа, младшая дочь бедного сельского священника (в ту пору ей было двадцать лет), приехала в Лондон, чтобы получить первое в своей жизни место домашней учительницы. Ей предстояло встретиться с человеком, на объявление которого она откликнулась, получив в ответ приглашение явиться для знакомства. Девушка пришла в особняк на Харли-стрит, поразивший ее роскошью и внушительностью. Ее будущий хозяин оказался холостяком, блестящим молодым джентльменом, — такого денди смущенная и взволнованная дочь приходского

священника из Хэмпшира могла разве что видеть в девичьих грезах или рисовать в воображении, читая старые романы. Нетрудно представить его наружность, — по счастью, люди такой породы еще не перевелись. Природа наделила его необычайной привлекательностью, держался он непринужденно и был изысканно вежлив, без намека на спесь или надменность, и располагал к себе веселостью и любезным обхождением. Немудрено, что учтивостью и светским блеском он сразу же покориł девушку, но более всего подкупило ее то, что при первом же свидании он представил дело так, будто, принимая его предложение, она оказывает ему большую услугу, а он почитает за счастье получить ее согласие; впоследствии именно это обстоятельство придавало ей мужество в выпавших на ее долю испытаниях. Бедная девушка видела перед собой богатого человека во всем блеске светского обаяния, роскоши, галантности — денди, который мог позволить себе любую причуду. В Лондоне он занимал большой дом, полный всевозможных диковин из заморских стран и охотничьих трофеев, но гувернантке предстояло, не теряя времени, отправиться в его

загородную усадьбу, старинное родовое поместье в Эссексе.

Два года назад он стал опекуном своих осиротевших малолетних племянников, мальчика и девочки. Это были дети его младшего брата, офицера, скончавшегося в Индии. Свалившиеся ему на голову племянники оказались тяжким бременем для холостого мужчины, лишенного какого бы то ни было опыта в вопросах воспитания и к тому же не обладавшего должным терпением. Он добросовестно старался справиться с новыми незнакомыми обязанностями и, разумеется, совершил много ошибок, но, жалея всей душой бедных малюток, делал для них все, что позволяли его немалые возможности и средства. Поселил в своей загородной усадьбе, поскольку детям лучше жить на лоне природы, поручил их заботам верных людей и даже приставил к ним собственных слуг, дабы быть уверенным, что дети под надежным присмотром, а когда позволяли обстоятельства, навещал их сам и проверял, все ли в порядке. К великому сожалению, других родственников у детей не осталось, и обратиться за помощью ему было не к кому, а собственные де-

ла поглощали почти все его время. Он предоставил в полное владение племянников усадьбу Блай — жизнь там спокойная, да и для здоровья полезнее свежий воздух. Управляла тамошним хозяйством замечательная женщина, миссис Гроуз, — правда, власть ее ограничивалась кухней и комнатой для прислуги. Милорд был уверен, что новой гувернантке она непременно понравится. Когда-то миссис Гроуз была горничной у его матери, а теперь служила экономкой в родовой усадьбе и временно занималась воспитанием девочки, в которой, будучи сама бездетной, души не чаяла. В усадьбе много разной прислуги, но, разумеется, особа, которая согласится взять на себя обязанности воспитательницы, будет старшей в доме. Ей придется заниматься и с мальчиком. Пока он в школе — конечно, рановато было его туда отправлять, да ничего другого не оставалось, — но скоро каникулы, и на днях ждут его возвращения. Одно время детей обучала другая гувернантка, молодая особа, но, к несчастью, они лишились ее. В высшей степени добропорядочная девица, она заботливо опекала сирот и умерла так некстати — из-за этого и пришлось от-

править маленького Майлса в школу. После смерти гувернантки миссис Гроуз в меру своих способностей старалась наставлять Флору, прививать ей хорошие манеры и тому подобное. Кроме экономки, в усадьбе живут кухарка, горничная, молочница, старый конюх со старым пони, старый садовник — в общем, все как в хорошем доме. На этом месте кто-то прервал Дугласа вопросом:

— Отчего же умерла прежняя гувернантка? Не от избытка ли добропорядочности?

Однако Дуглас был непреклонен.

— Всему свое время. Я не хочу забегать вперед.

— Простите, но вы *уже* возбудили наше любопытство.

— На месте ее преемницы, — заметил я, — я бы поинтересовался, не чреватые ли будущие обязанности...

— Угрозой для жизни? — договорил за меня Дуглас. — Естественно, у девушки возник такой вопрос, и она получила на него ответ. Какой именно, вы услышите завтра. Между тем перспектива вырисовывалась довольно безрадостная. Девушка была молода, неопытна, впечатлительна — она поняла, что возлагает на себя серьезную от-

ветственность и что подобное обязательство обрекает ее на довольно замкнутую жизнь, по сути дела, почти на одиночество. Сомнения охватили ее, она попросила дать ей дня два, чтобы поразмыслить обо всем и посоветоваться. Но обещанное жалование представлялось бедняжке по-королевски щедрым, и, когда они встретились в следующий раз, она, решив попытать счастья, ответила согласием.

Дуглас замолчал, а я, к удовольствию собравшихся, не удержался от замечания:

— Разумеется, кончилось тем, что блестящий молодой джентльмен соблазнил девицу. Она не устояла перед его чарами.

Дуглас поднялся и снова, как в первый вечер, подошел к камину, поправил полено и несколько мгновений стоял спиной к нам.

— Они виделись всего лишь дважды.

— Тем более поразительна сила ее чувства.

При этих словах Дуглас быстро обернулся ко мне.

— Действительно, здесь есть какая-то загадка. Ведь к нему приходили и другие девушки, но на них его чары не действовали, — продолжал Дуглас. — Милорд не

скрыл от моей знакомой, что столкнулся с неожиданными затруднениями — несколько претендентов отказались от его предложения. Их отпугивали странные, необычные условия, но более всего смущало главное требование.

— Какое именно?

— Никогда, ни под каким предлогом не беспокоить хозяина — ни просьбами, ни жалобами, ни письмами. Гувернантке предстояло одной справляться со всем, что бы ни случилось. Стряпчий будет высылать ей деньги, а все заботы она должна взять на себя, избавив от них милорда. И она дала ему такое обещание. Когда он понял, что тягостное бремя свалилось с его плеч, то в порыве благодарности взял девушку за руку и горячо пожал ее. И она почувствовала, что вознаграждена за свою жертву.

— Этим и ограничилось ее вознаграждение? — спросила одна из дам.

— Они больше никогда не виделись.

— О! — произнесла дама, и так как наш друг покинул нас столь же внезапно, как и накануне, то на этом глубокомысленном замечании оборвалась наша увлекательная беседа.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

ПОВОРОТ ВИНТА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 11,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-37275-01-R